

Последствия миссии Н.П. Игнатьева в Китай в 1859—1860 гг.

Николай Александрович Сосна,
аспирант Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова, Москва.
E-mail: mat_ezhik@mail.ru

В настоящей статье на основе неопубликованных документов из российских архивов и имеющихся в распоряжении исследователей документальных публикаций представлена первая на сегодняшний день попытка комплексного рассмотрения вопроса о последствиях отправки известного российского дипломата и военного Н.П. Игнатьева в Китай в 1859—1860 гг. с дипломатической миссией. В основном автор сосредотачивает своё внимание на непростой и во многом затянувшейся реализации постановлений заключённого Игнатьевым в 1860 г. знаменитого Пекинского договора. В исследовании поэтапно анализируются основные действия России в закреплении достигнутых Пекинским договором успехов, а именно: установление чёткой государственной границы на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, нормализация русско-китайской сухопутной торговли и оказание Китаю военной помощи. Помимо этого в статье нашли отражение действия российского дипломата в направлении эффективного использования новоприобретённых по Пекинскому договору территорий и обеспечения устойчивой связи этих отдалённых земель с центральными районами Российской империи. Автор приходит к выводу, что проекты Игнатьева и его советы нередко становились основой государственной политики России в вопросах закрепления успехов Пекинского договора, а неудачи в вопросах развития торговли и оказания военной помощи сложно назвать чьей-то ошибкой в силу комплекса вполне объективных причин. В любом случае результаты, достигнутые Игнатьевым в Пекине, и его активная деятельность в Петербурге помогли значительно стабилизировать отношения с Китаем, столь шаткие в предыдущий период.

Ключевые слова: Российская империя, внешняя политика, Дальний Восток, вторая «опиумная война», Пекинский договор, Игнатьев, Чугучакский протокол, караванная торговля, Уссурийский край.

Consequences of N.P. Ignatyev's Mission to China in 1859—1860.

Nikolay Sosna, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
E-mail: mat_ezhik@mail.ru.

Based on unpublished documents from the Russian archives and available academic publications, the author presents the first attempt to comprehensively consider the consequences of sending N.P. Ignatyev, a well-known Russian diplomat and military man, to China with a diplomatic mission in 1859—1860. The paper

focuses specifically on the difficult and largely protracted implementation of the resolutions of the famous Beijing Treaty concluded by Ignatyev in 1860. The article gradually considers Russia's main actions directed at further development of the Beijing Treaty achievements, such as establishment of a clear state border in the Far East and Central Asia, normalization of the Russian-Chinese land trade and provision of military assistance to China. The actions of the Russian diplomat aimed at the effective use of the newly acquired territories under the Beijing Treaty and ensuring sustainable connection of these remote lands with the central regions of the Russian Empire. The author comes to the conclusion that Ignatyev's projects and his advice often became the basis of the state policy of Russia in the process of consolidation of the positive results of the Beijing Treaty, though due to a complex of objective reasons, it is hardly possible to blame anyone for some failures in the trade development and military assistance. In any case, the results achieved by Ignatyev in Beijing and his active work in St. Petersburg helped to significantly stabilize relations with China, so chaotic in the previous period.

Keywords: the Russian Empire, foreign policy, the Far East, the second opium war, the Beijing Treaty, Ignatyev, the Tarbagatai Treaty, caravan trade, the Ussuri region.

В 1859—1860 гг. известный российский дипломат Н.П. Игнатьев был отправлен со специальной миссией в Китай для защиты интересов России в этой стране. Принимая во внимание тематику настоящего исследования, мы не будем подробно говорить о пребывании российского посланника в Китае, тем более что этот вопрос не раз был затронут в историографии, и ограничимся лишь кратким изложением событий. В разгар второй «опиумной войны» (1856—1860) Россия приняла решение воспользоваться ослаблением Китая и активизировать свои действия на Дальнем Востоке, направленные, в первую очередь, на повторное присоединение принадлежавших ей ранее обширных территорий в Приамурье, утерянных по Нерчинскому договору 1689 г. В 1857 г. в Китай был отправлен Е.В. Путятин, который, несмотря на недоверие и негативное отношение пекинского правительства, в июне 1858 г. заключил Тяньцзиньский трактат. Этот договор, предоставлявший России равные с другими европейскими странами преимущества в морской торговле (в основном Россия торговала с Китаем по суше, поэтому важность Тяньцзиньского трактата, не содержащего условий сухопутной торговли, существенно уменьшалась), имел в своём составе дополнительную статью о необходимости скорейшего разграничения путём взаимного утверждения пограничных карт [4, с. 20]. Желая укрепить влияние своей страны, российский посланник дополнительно пообещал прислать из Петербурга значительное количество вооружения и российских военных инструкторов для увеличения военной силы Китая в условиях его войны с западными державами.

Параллельно с Путятиным в решении пограничного вопроса активно действовал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв-Амурский, который в мае 1858 г. смог заключить в Айгуне договор, по которому

граница между Россией и Китаем устанавливалась по р. Амур до р. Уссури, но дальнейшая граница от Уссури до моря должна была быть определена впоследствии специальной русско-китайской комиссией [4, с. 18]. Безусловно, подписание Айгунского договора было большим успехом российской дипломатии: граница была определена практически на всём протяжении, а неразграниченный участок должен был исчезнуть в самом скором времени, благодаря заключённому месяцем позже Тяньцзиньскому трактату. Проблема заключалась лишь в том, что китайская дипломатия серьёзно отличалась от европейской и чёткое следование заключённым договорам не было её характерной чертой. По этой причине, осознав важность сделанной в Айгуне уступки, пекинское правительство решило сделать шаг назад: Айгунский договор так и не был признан со словами, что территории в Приамурье были не уступлены, а даны России взаимы, в то время как заключившие трактат с китайской стороны сановники были немедленно разжалованы [2, с. 53]. Более того, в Пекине отказались и от доставки обещанного Путятиным оружия [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 21]. Соответственно, перед новым российским посланником была поставлена задача убедить китайцев изменить своё решение, признать Айгунский договор и провести разграничение в Уссурийском крае. Практически год Игнатъев провёл в китайской столице в бесплодных переговорах. Пограничная карта, составленная в результате тяжелейшей экспедиции полковника К.Ф. Будогосского и привезённая им же в Пекин, была отбракована китайскими сановниками, которые якобы «не понимали её» [4, с. 24]. Задача дипломата дополнительно усложнялась тем, что его пребывание в Пекине совпало с разгаром второй «опиумной войны» Великобритании и Франции против Китая. Британский и французский посланники не воспринимали своего коллегу всерьёз и, будучи настроенными против России, порой мешали его деятельности. Впрочем, благодаря своим недюжинным талантам и удачному стечению обстоятельств, Игнатъев сумел добиться заключения Пекинского договора, который не только дополнил, но и расширил постановления Айгунского трактата, официальное признание которого являлось неременным условием. Восточная русско-китайская граница была определена практически на всём её протяжении от истоков Амура до Тихого океана, в руках России оказался обширнейший Уссурийский край. Существенные гарантии и преимущества получила Россия и в вопросах сухопутной торговли. Впрочем, принимая во внимание указанные выше особенности китайской дипломатии, этот договор требовал немедленных практических мер по его осуществлению с целью закрепления достигнутых результатов. В данной статье предполагается рассмотреть вопрос о том, в какой степени были реализованы постановления Пекинского договора и каковы были последствия поездки Игнатъева в Китай, проявившиеся в течение нескольких следующих лет.

В отечественной историографии данный вопрос получил неравномерное освещение. Автор биографии Игнатъева В.М. Хевролина не уделяет серьёзного внимания последствиям китайской поездки дипломата,

затрагивая лишь вопрос о том, как она повлияла на его дальнейшую карьеру [10, с. 105—107]. Прочие исследования посвящены отдельным проблемам, связанным с русско-китайскими взаимоотношениями и освоением Россией новоприобретённых территорий. В монографиях В.С. Мясникова [6, с. 286—287, 289] и Г.В. Киреева [4, с. 23—29] содержится подробный разбор Пекинского договора и его значения для оформления русско-китайской границы. Вопрос о влиянии этого документа на развитие русско-китайской сухопутной и морской торговли, затронутый В.С. Мясниковым [6, с. 288, 291—293], был более подробно рассмотрен М.И. Сладковским [9, с. 239—247] и Г.Н. Романовой [8, с. 66—69]. Проблемы, возникшие в связи с установлением новых принципов ведения сухопутной торговли между двумя странами, анализируются А.Н. Хохловым [12]. Этот же автор посвятил другую свою статью военной помощи России Китаю, оговорённой ещё Тяньцзиньским соглашением 1858 г. и подтверждённой условиями Пекинского трактата [11]. При этом нам хотелось бы подчеркнуть, что на данный момент в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют работы, в которых вопрос о реализации постановлений Пекинского договора и последствиях миссии Н.П. Игнатьева в Китай был бы рассмотрен комплексно.

Настоящее исследование основывается как на опубликованных источниках, так и на архивных материалах. Огромную помощь исследователю оказали составленные самим Н.П. Игнатьевым «Материалы, относящиеся до пребывания...» [2], содержащие порой уникальные документы, по разным причинам не доступные в отечественных и зарубежных архивах, которые позволили существенно расширить фактологическую базу исследования. Впрочем, приступая к написанию этой книги, сам Игнатьев явно преследовал цель героизации собственной личности, и по этой причине его собственные оценки тех или иных событий могут быть не вполне объективными. Богатейший и на сегодняшний день мало исследованный материал о китайской миссии Н.П. Игнатьева находится в нескольких отечественных архивах. Прежде всего стоит отметить личный фонд Игнатьева в ГАРФ (№ 730), содержащий в том числе огромное количество черновых набросков записок и докладов, имеющих серьёзную исследовательскую ценность, а также фонды АВПРИ (№ 143, 161), хранящие официальные документы МИД. Некоторое количество дополнительной информации, касающейся в первую очередь позиции российского военного ведомства, было почерпнуто автором в РГВИА (фонд № 38).

* * *

Н.П. Игнатьев вернулся в Петербург в начале января 1861 г. До приезда в Пекин назначенного туда министром-резидентом Л.Ф. Баллюзека (во время игнатьевской миссии он выполнял функции адъютанта) единственным представителем России в Китае оставался начальник Российской духовной миссии архимандрит Гурий, который, по словам Игнатьева,

«решил разыгрывать политическую роль» и добиваться свидания с князем Гуном (братом императора, подписавшим Пекинский договор с китайской стороны) для обсуждения оставшихся нерешёнными вопросов и защиты российских интересов, поскольку считал, что российское влияние в Китае сходит на нет [2, с. 474]. Достигнув, наконец, своей цели, он писал, что китайское правительство очень ждёт помощи против инсургентов (восставших тайпинов), и предлагал вооружённым путём поддержать правящую династию [2, с. 476]. По этому поводу Н.Н. Муравьёв-Амурский сообщал в Петербург: «Гурий опять трусит, но главное, кажется, обижается, что Богдыхан (император) не спрашивает его советов, а потому и смотрит на упадок русского влияния пессимистически... Проект Гурия о поддержании Манджурской династии нашей военной силой весьма интересен, но я на всё это ему ничего отвечать не буду» [2, с. 476]. В качестве реакции на эти действия начальника Духовной миссии Игнатьев составил проект письма МИД, в котором указывалось, что:

- 1) начальник миссии не должен забывать, что миссия в глазах китайцев и европейцев носит прежде всего духовно-учёную, а не политическую функцию, и потому она может принести гораздо большую пользу, если будет пристально следить за положением дел и делать местным чиновникам нужные внушения;
- 2) отказы князя Гуна от встреч объясняются, во-первых, тем, что он по своему положению не должен совещаться с «русскими монахами», а во-вторых, тем, что сам аристократ ещё в ноябре 1860 г. предупредил, что он является попросту одним из членов Верховного государственного совета;
- 3) судя по донесениям Гурия, положение дел в Китае нисколько не изменилось, и до прибытия русского резидента ему не стоит выходить из выжидательного положения;
- 4) враждебное влияние Су-шуня уже давно известно, и в этом нет ничего нового, а что касается возможного неисполнения условий Пекинского договора, то оно вполне вероятно по причине безрассудства маньчжуров, но в то же время договор и утверждён Богдыханом, и подписан Гуном, что даёт повод постоянно ссылаться на это обстоятельство в случае спорных ситуаций;
- 5) русское влияние, судя по донесениям того же Гурия, вовсе не упало, а напротив, укрепилось, поскольку китайцы продолжают обращаться к России с многочисленными просьбами;
- 6) с другой стороны, Россия установила своё влияние в период большой опасности для Китая, а в спокойное время нужно прикладывать гораздо больше реальных усилий, иначе Китай в свои руки захватят англичане;
- 7) донесения Гурия укрепляют убеждение в том, что российский резидент должен оказаться в Пекине одновременно со своими английским и французским коллегами и войти с ними в формальное соглашение, не упуская при этом из вида своих собственных целей [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 428. Л. 1—8].

Тем не менее нельзя было отрицать, что Китай в политическом отношении продолжал находиться в положении некой неопределённости. Богдыхан так и не вернулся в столицу после своего бегства от англо-французских войск ещё в сентябре, и государством продолжал управлять Верховный совет. В этой связи будущий генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, преемник Н.Н. Муравьёва-Амурского, составил особую записку, в которой предложил три варианта дальнейшего развития событий в Китае: продолжение правления действующего императора, замену его собственным младшим братом (т.е. князем Гуном) и свержение правящей династии руками иностранцев [РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 49. Л. 2—3 об.]. В первом случае генерал предлагал закрепить достигнутые успехи, пусть и путём военных демонстраций, во втором — дождаться определения линии нового правительства в отношении России и, наконец, в третьем — сразу образовать из Монголии и Маньчжурии два самостоятельных княжества, взяв их под своё покровительство и объявив при этом, что таким образом достигается безопасность границ в случае недоброго отношения новой династии и её отказа признать Айгунский договор [РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 49. Л. 4 об.—6]. Безусловно, подобный проект был весьма авантюрен и не был принят к действию, но он ярко продемонстрировал, насколько туманно виделось в России будущее Китая.

Дальнейшие политические события в Китае определила смерть молодого императора Сянфэня, так и не успевшего вернуться в свою столицу, в августе 1861 г. Наследником престола становился Цзайчунь, его сын от наложницы по имени Цы-си, вокруг которого был сформирован регентский совет под негласным контролем Су-шуня. Этот сановник, происходивший из знатного маньчжурского рода, обладал неограниченным влиянием на покойного императора. Именно он, по сути, денонсировал Айгунский договор и вёл переговоры с Игнатьевым в Пекине, дерзко и гордо отказываясь от всех российских предложений, чем вызвал у того желание «почти вцепиться в косу и кончить разговор дракой, как в кабаке» [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3033. Л. 91]. Никогда не ограничивавший себя в применении собственной власти, став регентом, Су-шунь превратился в фактического правителя государства, но, как оказалось, ненадолго. Возглавляемая им так называемая «воинственная» партия столкнулась с партией «прогрессистов» князя Гуна и была ей побеждена [2, с. 482]. Архимандрит Гурий писал Игнатьеву в конце октября 1861 г.: «Не могу не поздравить Ваше Превосходительство с торжеством идей, которые Вы, в своё время, здесь проводили. Гун-Цин-Ван теперь регент государства. Жуй-чан (бывший 2-й уполномоченный при Су-шуне), Бао-цзюн и Вян-сян, все Ваши старые знакомые, члены Верховного Государственного Совета. Таким образом, во главе стоят все люди, выразившие, в менее удобное время, так ясно своё расположение к России и в особенности лично к Вам» [2, с. 482—483]. Конец эпохи Су-шуня, впрочем, наступил благодаря деятельности незаметной на тот момент Цы-си. Именно она отдала приказ об аресте бывшего крупнейшего сановника, который был

через несколько дней казнён на Западном рынке Пекина. Китай постепенно вступал в новую эпоху, связанную с её именем.

Оказавшись в Петербурге, Игнатъев продолжил активно заниматься китайскими делами. Практически сразу по прибытии он подал в МИД записку под названием «Меры, которые необходимо теперь принять для приведения в исполнение Пекинского договора и упрочения нашего положения в Китае». Бывший российский посланник в Китае предлагал незамедлительно и в точности исполнить постановление договора о совместном изучении и проведении границы от р. Уссури до моря; организовать консульства в Урге и Тяньцзине; разрешить российским купцам выезжать из Кяхты за границу для торговли, сбавить ввозные пошлины на чай и на время отменить их вовсе для привлечения китайских купцов; поторопиться с устройством телеграфа в Восточной Сибири; принять меры для заселения Уссурийского края; укрепить приобретённые Россией морские порты, оставив при этом один из них для торговли с режимом порто-франко; оружие, требуемое китайцами в качестве помощи, выдавать им по частям с обязательной отправкой инструктора; поразмыслить над возможностью помощи Китаю против тайпинов; дать генерал-губернаторам пограничных с Китаем областей особую инструкцию об их отношениях с цинскими генерал-губернаторами (цзянь-цзюнями); решить вопрос о необходимости пребывания постоянного дипломатического агента в Пекине и, если он будет решён положительно, построить отдельную резиденцию, в обратном же случае — соединить полномочия временного министра-резидента с полномочиями начальника военных инструкторов; изменить состав Духовной миссии, пересмотрев её штат и инструкции; построить железную конную дорогу через всю Сибирь или, по крайней мере, между оз. Ханка и р. Суй-фынь; и, наконец, укрепить консульство и факторию в Кашгаре, для совместных с Китаем действий против Коканда [2, с. 453—457].

Предложения Игнатъева стали основой для очередного заседания Особого Амурского комитета, которое состоялось уже 9 января 1861 г. Комитет в основном одобрил положения представленной записки, сразу отказавшись только от укрепления морских портов, которое посчитали нужным отложить до полного заселения края, от оказания помощи против тайпинов (категорически) и от строительства конной железной дороги, также отложенного [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 410. Л. 5—5 об., 6—6 об., 7 об.]. На следующем заседании, 22 февраля 1861 г., было принято решение не отказываться окончательно от помощи пекинскому правительству в борьбе с восстанием вплоть до обсуждения этого вопроса с Англией, а разграничение с Китаем на западе отложили до следующего, 1862 г. [АВПРИ. Ф. 161. I-1. Оп. 781. Д. 495. Л. 50—51 об.], вероятно, с той целью, чтобы произвести предварительную разведку местности, по которой должна была пройти граничная линия.

Дальнейшее исполнение всех этих постановлений происходило разными темпами и с разной долей успешности. Справедливости ради стоит отметить, что во многих случаях ход процесса не зависел от России.

Самым важным вопросом после подписания Пекинского договора являлся вопрос об окончательном оформлении русско-китайской границы. Впервые наглядная декларация пекинских договорённостей [5] относительно границ на востоке появилась в виде «Карты Амурской страны...», изданной в Иркутске в 1860 г. [РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 928. Л. 31]. Она являлась копией карты, составленной экспедицией К.Ф. Будогосского в 1859 г. и приложенной Н.П. Игнатьевым к Пекинскому договору. Граничная линия была проведена на ней красной чертой, скорее всего, рукой самого Игнатьева, но при этом на неизученной части местности в Уссурийском крае линия прерывалась, в результате чего образовалось своеобразное «окно» [4, с. 24]. Устранение его, размен окончательных карт и постановка пограничных знаков были поручены специальной комиссии, которую с российской стороны возглавили П.В. Казакевич и К.Ф. Будогосский. Последний получил это назначение по инициативе Игнатьева, но, будучи утомлённым постоянной тяжёлой работой, в личном письме сообщал ему, что собирается оставить свою службу в Восточной Сибири после окончания разграничения [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2484. Л. 1]. Русские комиссары получили инструкцию не усложнять переговоры мелкими спорами и 16 июня 1861 г. благополучно исполнили данное им поручение, отправив в Петербург официальную пограничную карту [РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 839. Л. 69—69 об.]. Проведённые впоследствии Будогосским и его подчинёнными топографическая съёмка и постановка пограничных знаков [1; 5] окончательно закрепили за Россией обширнейшие территории на Дальнем Востоке, присоединение которых стало возможным благодаря активной деятельности Н.Н. Муравьёва-Амурского и, безусловно, Н.П. Игнатьева.

Граница между Россией и Китаем на западе не была чётко определена Пекинским договором, который ограничивался лишь выделением основных опорных точек. Сразу после заключения договора Н.П. Игнатьев писал, что это позволит российской стороне произвольно подвинуть граничную линию «и овладеть бесспорно со стороны Китайского правительства, важными для [неё] входами в дефиле, ведущими в города Малой Бухарии» [АВПРИ. Ф. 161. 1-9. Оп. 8. 1859 г. Д. 15. Ч. 2. Л. 373]. В Петербурге он расширил круг своих соображений, объясняя, что скорейшее проведение границы на западе необходимо ещё и затем, чтобы не дать повода иностранным государствам обвинить Россию в захвате земель на Амуре, поскольку в этом случае можно будет утверждать о желании чётко обозначить граничную линию на всём её протяжении [2, с. 471—472]. Были также конкретизированы и основные территории, которые желательно было приобрести при разграничении: это озеро Нор-Зайсан, богатое рыбой, и Чарынская горная система, предоставлявшая удобные проходы в Кашгар, Яркенд и Хотан [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 431. Л. 2—2 об.]. Важным моментом было то, что в районе предполагаемой границы кочевали подвластные России племена киргизов, и этот факт можно было использовать для обоснования расширения границы в некоторых местах [ГАРФ. Ф. 730.

Оп. 1. Д. 431. Л. 2 об.—3]. Согласно правительственным распоряжениям начальниками российской пограничной комиссии были назначены оберквартирмейстер войск Западной Сибири полковник И.Ф. Бабков и бывший консул в Кашгаре, знаток Китая и Востока вообще И.И. Захаров [2, с. 472]. Комиссарам рекомендовалось следовать естественным рубежам, оставляя пограничные знаки только в местах искусственной границы [2, с. 473]. Утверждение границы, впрочем, было сопряжено с большими сложностями, поскольку намеченная Пекинским договором граничная линия совпала с крайне нестабильной линией китайских пикетов и, кроме того, пограничный регион был населён постоянно перемещавшимися кочевыми племенами [9, с. 244]. После постоянных двухлетних споров, в 1864 г. был, наконец, подписан Чугучакский протокол, закрепивший западную русско-китайскую границу, соответствовавшую всем пожеланиям Н.П. Игнатьева. По этому поводу Захаров писал ему: «Поспешаю уведомить и поздравить Ваше Превосходительство со счастливым окончанием дела об установлении западной границы, которому Вы положили такое прочное основание Пекинским трактатом. И на последнем съезде нашем с комиссарами не обошлось без споров и крупных объяснений, но всё же нам удалось сломить Китайскую гордыню и упорство» [2, с. 473]. Своё удовлетворение высказывал и генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель: «Я представляю, какие большие глаза сделают китайцы, когда увидят, как корабль под русским флагом пересекает озеро Нор-Зайсан вдоль и поперёк. Приобретением в наше распоряжение этого внутреннего озера мы обязаны заключённому Вами мирному договору» [2, с. 473].

Следующим по важности после русско-китайского разграничения стал получивший серьёзное развитие в результате заключения Пекинского договора вопрос о русско-китайской торговле. Оценивая полученные преимущества, кяхтинское купечество в своём торжественном адресе Игнатьеву от 6 декабря 1860 г. высказывалось следующим образом: «Освободив нашу торговлю с Китаем от тех колодок, в которых она едва двигалась до настоящего времени, Вы, вместе с тем, дали новый исход для богатых, но находившихся до сих пор в застое, промышленных сил Сибири. Вы открыли для русской торговли новый широкий и самостоятельный путь, в котором она давно чувствовала потребность и на который указывало ей и географическое положение России, и вся история наших торговых сношений с Китаем. <...> Словом, с Вами начинается новое время и новая жизнь для русской сухопутной торговли с Китаем, и имя Ваше, рядом с именем графа Муравьёва-Амурского, останется вечно дорогим для памяти каждого, кто умеет сочувствовать общему делу» [2, с. 474]. Чуть позже директор Кяхтинской таможни Н.К. Крит в своём письме в министерство финансов отмечал: «Игнатьев вполне понял бедственное положение нашей торговли, если бы она при конкуренции английских товаров осталась при прежнем ограничении, потому он и хлопотал о караванной торговле и чтобы при этом нашим купцам предоставлено было совершенно исключительное положение в Китае. Он вполне этого достиг. Никому

из наших уполномоченных, не говоря уже на Востоке, но даже и на Западе, не удавалось заключать такого выгодного трактата. И всего этого он достиг, не издержав ни гроша, тогда как Тяньцзиньский трактат и Пекинская конвенция далеко не такие выгодные, как наш трактат, англичанам и французам стоили около 100 миллионов рублей. Трактатом своим Игнатьев открыл нашей торговле блистательную будущность, если только наши купцы и фабриканты сумеют воспользоваться преимуществами им дарованными» [2, с. 417—418].

Сам Н.П. Игнатьев в Санкт-Петербурге в особой записке о кяхтинской торговле предлагал в целях достижения положительного эффекта от постановлений Пекинского договора сделать следующее:

- 1) предоставить торгующим в Кяхте полную свободу в их действиях;
- 2) разрешить торговать купцам 3-й гильдии и крестьянам;
- 3) разрешить купцам взаимные долговые обязательства;
- 4) изменить существующий кяхтинский тариф;
- 5) изменить правила отсрочки пошлин и таможенных платежей;
- 6) сократить штат и расходы таможенного управления [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 418. Л. 7—7 об.].

Он ратовал и за уменьшение таможенного тарифа для торговли со всей Азией, а для русско-китайской торговли также считал полезным дополнение традиционного ассортимента из чая, золота и серебра мануфактурными товарами с русской стороны, а с китайской — кожами [2, с. 483—484].

Любопытно, но положения игнатьевской записки практически полностью схожи с выводами обширной записки А.И. Деспот-Зеновича «О мерах, необходимых для исполнения Пекинского договора», среди которых, кроме совпадений, значилось:

- 1) отменить ограничения в отпуске драгоценных металлов;
- 2) уменьшить пошлину с чая и назначить на разные его виды одинаковый налог;
- 3) отменить ограничения на отпуск с обеих сторон некоторых товаров;
- 4) отменить ввозные пошлины на все товары, кроме чая;
- 5) облегчить порядок таможенного делопроизводства [ГАРФ. Ф. 916. Оп. 1. Д. 25. Л. 3 об.].

Как видим, и предложения Игнатьева, и Деспот-Зеновича были направлены прежде всего на привлечение новых купцов и расширение ассортимента, т.е. на увеличение объёмов русско-китайской торговли.

В качестве апробации новых торговых условий в марте 1861 г. из Кяхты в Пекин отправился первый русский караван, состоявший из 15 повозок и фур от 8 торговых домов во главе с приказчиками Нерпиным, Ивановым и Ковригиным, к которому присоединились четыре ученика китайского училища [2, с. 470]. Караван выехал по направлению к Урге, однако его движение было задержано, поскольку маршрут пролегал не через Калган, а через Душикоу [12, с. 138]. Выяснилось, что недоразумение произошло из-за разночтений в текстах Пекинского договора [12, с. 142]. Игнатьев отреагировал на это следующим образом: отцу Гурию он написал

с просьбой не допускать подобных разночтений, поскольку китайский текст договора является только переводом русского, а А.М. Горчакову — что подобные инциденты можно использовать для отсрочки выдачи китайцам обещанного оружия [2, с. 479—480]. Конфликт был разрешён, караван проехал, пусть и не на Пекин, но в Тяньцзинь [12, с. 145]. Игнатьев рекомендовал А.И. Деспот-Зеновичу, чтобы русские купцы не оставляли попыток наладить караванную торговлю, поскольку для изменения торговых дел всегда необходимо время [2, с. 480].

В любом случае заключение Пекинского договора способствовало оживлению русско-китайской торговли, в том числе и караванной [2, с. 413; 9, с. 145—146]. Но в то же время история с первым Кяхтинским договором являлась показательной. Китайское правительство слишком опасалось влияния России на население пограничных территорий и особенно Монголии и поэтому продолжало чинить русским купцам различные препятствия не только в сухопутной караванной торговле, но и в передвижении по рекам, оправдываясь отсутствием соответствующих распоряжений из Пекина [8, с. 69]. Кроме того, российская торговля испытывала постоянную конкуренцию со стороны английской и американской. Этому было две причины: во-первых, английские и американские товары имели куда более низкую себестоимость, а во-вторых, они доставлялись морем и достигали цели куда быстрее, нежели из России по суше [8, с. 70]. Казалось бы, имеющиеся убытки должны были покрывать высокие цены на чай в России, но и здесь слишком большое расстояние и соответствующая стоимость сухопутной доставки сыграли отрицательную роль: в итоге больше половины китайского чая достигало центральных регионов России либо контрабандным путём, либо через её западную границу при посредничестве всё тех же англичан и американцев [8, с. 70]. В этой связи сложно согласиться с Н.П. Игнатьевым, который в неудачах русско-китайской торговли обвинял мягких и слабых, по его мнению, представителей России в Пекине и малоактивных кяхтинских купцов [2, с. 418]. То, что Пекинский договор не смог дать по-настоящему серьёзного развития русско-китайской торговле, не было результатом деятельности отдельных людей, так работала экономическая система России, для которой Китай не был первоочередной точкой экспорта собственных товаров, а чай, при всей его важности, был всего лишь очередной статьёй российского импорта.

Экономическое развитие новоприобретённых земель, которые фактически пустовали, не представлялось возможным без их колонизации. Узнав о том, что переехавшие в Америку чехи тяготеют своей жизнью там и хотели бы переселиться на вновь вошедшие в состав России земли, не требуя ничего, кроме переправы через океан, Н.П. Игнатьев составил для МИД особую записку, в которой отмечал, что колонизацию нужно производить при помощи русского населения, а в случае недостатка желающих, прибавлять к ним лиц исключительно славянского происхождения [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 427. Л. 1]. Вообще же он предлагал:

1. Отводить земли в вечное пользование безвозмездно, с определением при этом податей и размеров участков.
2. Разрешать приобретение земель в частную собственность на льготных условиях везде, кроме стратегически важных территорий.
3. Публично объявить о правилах заселения и привлекать желающих.
4. Освободить местных жителей и колонистов от рекрутских наборов, обязав их участвовать в ополчении в случае военных действий, вплоть до момента установления приличной плотности населения.
5. Сумму, определяемую на заселение Амура, на некоторое время полностью тратить на Уссурийский край.
6. Договориться с частными пароходными компаниями о контрактах на перевозку желающих морем.
7. В случае с колонизацией нижнего Амура разрешить селиться в этой относительно бесплодной местности германским колонистам, которых в Уссурийский край пускать не следует.
8. Разрешить поселяющимся единоверцам-славянам сохранить их привычный быт и традиции регулирования общественной жизни [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 427. Л. 2—3 об.].

Предложения Игнатьева были в целом приняты, но ещё до приобретения Дальнего Востока заселение земель Восточной Сибири проводилось в основном за счёт казаков и ссыльных. Такая же стратегия изначально применялась и в отношении дальневосточных земель, но после реформы 1861 г. основной упор, что вполне естественно, был сделан на крестьянскую колонизацию [8, с. 52—53]. Начатая в 1865 г., она продолжалась до 1917 г., но была крайне затруднена сложностями сообщения, проводилась как добровольно, так и принудительно, и по этой причине шла достаточно медленными темпами [3, с. 96—146]. Любопытно, но появившиеся в 1882 г. новые правила для переселяющихся на Дальний Восток во многом совпадали с изначальными предложениями Игнатьева:

- 1) прощение всех недоимок на родине;
- 2) выделение 15 десятин земли на руки при пониженной стоимости 3 рубля за десятину;
- 3) бесплатный проезд от Одессы до Владивостока морем [8, с. 53].

Таким образом, и в этом вопросе соображения Н.П. Игнатьева оказались полезны в перспективе его дальнейшего решения.

Безусловно, приобретение дальневосточных земель, максимально отдалённых от российской столицы, порождало необходимость установления качественной связи с этим регионом. Существовавшее почтовое сообщение не могло быть признано удовлетворительным, поскольку доставка корреспонденции занимала в среднем месяц. Именно поэтому Н.П. Игнатьев настаивал на скорейшем установлении телеграфной линии и проведении ветки железной дороги. Телеграф, согласно постановлениям Амурского комитета [ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 410. Л. 3 об.—4.], должен был появиться на Дальнем Востоке постепенно. В 1861 г. линия была проведена от Казани до Тюмени, в 1862 г. — до Омска, в 1863 г. продлилась

до Томска, а оттуда в 1864 г. — до Иркутска [5, с. 25—26]. В 1870 г. телеграф достиг Благовещенска и Хабаровска, в 1871 г. — Владивостока и тогда же соединил его с Нагасаки и Шанхаем [5, с. 26—27]. Связь с самыми удалёнными уголками страны была установлена. Вполне понятно, что амбициозный проект Игнатьева по прокладке железной дороги был отклонён из-за недостатка средств и ресурсов. Железнодорожное сообщение появится в Сибири и на Дальнем Востоке только после эпохального 1891 г.

Последний вопрос, который мы предполагаем рассмотреть, стоит немного особняком и касается отправки в Китай оружия и офицеров, что было обещано ещё Е.В. Путятиным [11, с. 297—323]. Повторное решение о предоставлении Пекинскому правительству помощи, от которой оно отказалось в 1859 г., было принято в Петербурге 29 января 1861 г. [11, с. 326]. Через три дня Азиатский департамент рекомендовал архимандриту Гурию при его разговорах с местными чиновниками поступать следующим образом: «Весьма важно было бы для нас, чтобы место для обучения Китайских войск, а также для устройства заводов было избрано Китайским правительством в отдалении от морских берегов, а следовательно, и от столицы; всего лучше на северной границе Китая. Вы можете внушить китайским министрам, что в противном случае, при первых могущих возникнуть вновь неприязненных действиях с Европейскими державами, заводы эти попадут под их власть. Вам, многоуважаемый отец архимандрит, вполне известно, как неприятно было бы и для нас подвергать офицеров наших всем случайностям подобного военного столкновения» [АВПРИ. Ф. 161. I-5. Оп. 4. 1823 г. Д. 107. Л. 21—21 об.]. Видимо, в Пекине решили последовать этим советам, поскольку базой для обучения китайских солдат в конечном итоге была выбрана Кяхта, пусть это и было не совсем удобно, но позволяло избежать ненужной огласки [11, с. 327]. Руководителем военных инструкторов, совмещая эти обязанности с обязанностями дипломатического агента, стал Л.Ф. Баллюзек. Его инструкция практически полностью совпадала с данной в феврале 1859 г. Н.П. Игнатьеву [11, с. 326]. Прибыв в начале июня 1861 г. в Пекин, он в первую очередь старался провести уже не раз высказанную мысль о том, что отправка оружия невозможна без соответствующего обучения войск русскими инструкторами [11, с. 327—328]. Российский резидент предлагал также подумать об учреждении военных заводов, уделяя особое внимание производству пороха, поскольку «лучше иметь своё, чем находиться в зависимости от других» [11, с. 328]. Занятия по военному делу, включавшие строевую, тактическую подготовку и главным образом изучение материальной части оружия, начались в Кяхте в октябре 1861 г., но уже в январе 1862 г. были прекращены по доносу ургинского амбана, сообщившего, что солдаты занимаются исключительно муштрой, не имеющей, по его мнению, никакой пользы [11, с. 330—331]. Англичане также предлагали соответствующие услуги, и отчасти решение отозвать «учеников» было вызвано давлением с их стороны, особо усилившимся после того, как оказание Россией помощи Китаю перестало быть тайной

[11, с. 331—332]. Впрочем, даже за такой короткий срок русские офицеры смогли многому научить своих подопечных, которые продемонстрировали неплохие результаты на смотре в Пекине и удивляли своими навыками англичан, предложение которых в конечном итоге всё же было принято [11, с. 334—335]. Оружие, в виде 10 000 штуцеров, батарей полевых орудий, 500 боевых ракет и 70 ящиков запчастей к ружьям, доставлялось, согласно с мнением Н.П. Игнатьева, постепенно и было полностью передано в 1862 г. [11, с. 334—335]. В результате, как отмечает А.Н. Хохлов, все усилия Китая создать с чужой помощью боеспособную армию по европейскому образцу к началу XX в. не имели большого успеха [11, с. 335—336]. Тем не менее Россия продемонстрировала своё желание помочь соседнему государству и исполнила данные ранее обещания, столкнувшись, как и во многих других случаях, с непредсказуемой, непоследовательной и мечущейся политикой китайских властей.

В заключение было бы нелишним упомянуть о том, как была оценена руководством, коллегами и подчинёнными деятельность Н.П. Игнатьева в Китае. За помощь, оказанную англичанам и французам в период своего пребывания в Пекине, Игнатьев по распоряжению Наполеона III удостоился ордена Почётного легиона. Поздравляя его, посол Франции в России герцог Монтебелло сказал: «Я рад Вас известить об этой награде, которую Вы, без сомнения, заслужили своими добрыми советами и лояльным поведением по отношению к нам в Пекине» [2, с. 443]. Лорд Джон Расселл от имени королевы также высказал благодарность в отдельном письме, более того, он намекал о желании присвоить Игнатьеву орден Бани, но это награждение так и не состоялось [2, с. 443]. Сам дипломат в своих мемуарах объяснял это завистью и всплеском русофобии после опубликования российского Пекинского договора, в результате чего он приобрёл на Туманном Альбионе образ «опасного фанатика-патриота» [2, с. 443].

На родине же Игнатьев и вовсе был принят как настоящий триумфатор. Помимо, так скажем, материальных наград, он получил и множество положительных отзывов о своей работе. Министр иностранных дел А.М. Горчаков написал его отцу: «Сейчас получил курьера из Пекина. Сын Ваш прекрасно действовал — решительно и с успехом. Поздравляю Вас от души» [2, с. 441]. Принимая чуть позже своего подчинённого лично, князь был более красноречив: «Действия Ваши в Азии благоприятно повлияли на наше положение в Европе, так что Вы можете похвалиться услугами, которые Вы оказали России не только в Азии, но одновременно и в Европе» [2, с. 442]. Директор Азиатского департамента Е.П. Ковалевский, по словам Игнатьева, намекнул ему, что дожидался только назначения высокой пенсии, чтобы уступить ему свой пост [2, с. 441]. В августе 1861 г. 29-летний дипломат действительно занял место Ковалевского и был смещён с должности в 1864 г. Вот как он объяснял столь недолгий срок своего директорства: «Впоследствии канцлер, признававший заслуги Игнатьева и вполне ему доверявший до 1865 г., стал ревновать его и под влиянием Стремоухова и разных интригантов, его окружавших, питать неприязненные

к нему чувства, стараясь ему навредить в глазах Государя и общественного мнения (*Tempora mutantur*)» [2, с. 442]. Впрочем, отношение к результатам его деятельности в высших кругах было, безусловно, положительным. Оценивая заключённый Игнатьевым договор, своё авторитетное мнение высказал бывший директор того же департамента, знаток Китая Н.И. Любимов: «Поздравляю от всей души, со столь неизмеримо счастливым и блистательным окончанием данных Вам поручений. Когда я читал трактат, Вами заключённый, и смотрел на карту, то своим глазам не верил, так он чуден и великолепен... Слава и честь Вам! Велика Ваша заслуга перед отечеством. После такого дела можно умереть спокойно» [2, с. 452].

Один из бывших сотрудников Н.П. Игнатьева, член Российской духовной миссии А.Ф. Попов, в личном письме выразил отношение китайского населения к российскому дипломату: «Уже большая часть массы отличает нас от англичан, по крайней мере знает, что мы не враги и не воевали с ними. Что же касается до Вашего имени, то все почти знают И-дажэнь (великий человек И) и что он спас столицу, хотя не все знают, кто это И-дажэнь и чей он. Некоторые даже думают, что И-дажэнь — просто китайский дажэнь и очень удивляются, когда скажешь им, что это — наш русский» [11, с. 323].

* * *

Итак, Н.П. Игнатьев не только стал творцом Пекинского договора, предоставившего России значительные преимущества в добавление к условиям Айгунского трактата, но и серьёзно потрудились над реализацией его конкретных постановлений и закреплении достигнутых успехов. Проекты, составленные Игнатьевым, были не просто приняты во внимание высшим руководством Российской империи, но, как показывает анализ дальнейших событий, нередко становились основой государственной политики в том или ином направлении. Во многом благодаря превентивным действиям Игнатьева удалось выгодным для России образом окончить разграничение с Китаем как на западе, так и на востоке; советы дипломата были учтены при проведении колонизации диких дальневосточных земель; он в какой-то мере подтолкнул процесс проведения к тихоокеанскому побережью телеграфной линии. Пожалуй, единственным нереализованным, несмотря на все старания, проектом, стало развитие русско-китайской торговли, которое тормозилось серьёзной конкуренцией Англии и отсутствием у России развитого торгового флота. Не принесла ожидаемых результатов и поддержка, оказанная Китаю в виде поставок оружия и присылки военных инструкторов, поскольку во взаимоотношениях между двумя государствами имеют равное значение действия каждой из сторон. Китай же лихорадочно пытался справиться с последствиями «опиумных войн», стараясь вести самостоятельную политику, что в условиях того времени было уже практически невозможно. Вкупе с непривычными для европейцев методами ведения государственных дел,

которые не подвергались каким бы то ни было значительным изменениям, это приводило к постоянным колебаниям политической линии Поднебесной империи. Данный немаловажный фактор оказывал постоянное влияние на русско-китайские взаимоотношения.

Мы не стремимся доказать, что Россия смогла упрочить своё положение на Дальнем Востоке только благодаря Н.П. Игнатъеву. Можно сказать, что гораздо более важная роль здесь принадлежала Н.Н. Муравьеву. И всё же российский дипломат, добившийся в Пекине такого блестящего и такого неожиданного успеха, настолько глубоко погрузился в китайские дела, что сумел оказать своей стране помощь, уже находясь в Петербурге. Его знания и умения во многом помогли России укрепить свои взаимоотношения с Китаем, столь шаткие в предшествующий период.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Захаренко И.А. История географического изучения и картографирования Дальневосточного пограничного пространства России и Китая (середина XVII — начало XX в.). Минск: ВА РБ, 2009. 396 с.
2. Игнатъев Н.П. Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н.П. Игнатъева в 1859—1860 годах. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1895. 486 с.
3. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640—1917): Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 264 с.
4. Киреев Г.В. Россия — Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с.
5. Морев В.А. Сибирский телеграф во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 4. С. 22—30.
6. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв. М.: ИДВ РАН, 1996. 479 с.
7. Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII — начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М.: ЛЕНАНД, 2015. 388 с.
8. Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1987. 164 с.
9. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 440 с.
10. Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М.: Квадрига, 2009. 392 с.
11. Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 284—340.
12. Хохлов А.Н. История с караваном, отправленным из Кяхты в Пекин в 1861 г. (К характеристике позиции цинского правительства в отношении русско-китайской торговли после Пекинского договора 1860 г.) // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Наука, 1983. С. 136—148.
13. АВПРИ (Арх. внешней политики Российской империи).
14. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
15. РГВИА (Рос. гос. военно-исторический арх.).

REFERENCES

1. Zakharenko I.A. *Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya Dal'nevostochnogo pogrannichnogo prostranstva Rossii i Kitaya (seredina XVII — nachalo XX v.)* [History of the Geographical Study and Mapping of the Far Eastern Border Area of Russia and China (the Middle of the Seventeenth Century — the Early Twentieth Century)]. Minsk, VA RB Publ., 2009, 396 p. (In Russ.)
2. Ignat'ev N.P. *Materialy, otnosyashchiesya do prebyvaniya v Kitae N.P. Ignat'eva v 1859—1860 godakh* [Materials Related to the Presence of N.P. Ignatyev in China in 1859—1860]. Saint Petersburg, Tip. V.V. Komarova Publ., 1895, 486 p. (In Russ.)
3. Kabuzan V.M. *Dal'nevostochnyy kray v XVII — nachale XX vv. (1640—1917): Istoriko-demograficheskiy ocherk* [The Far East Region from the Seventeenth Century until the Early Twentieth Century (1640—1917): Historical and Demographic Study]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 264 p. (In Russ.)
4. Kireev G.V. *Rossiya — Kitay. Neizvestnye stranitsy pogrannichnykh peregovorov* [Russia — China. Unknown Pages of Boarder Negotiations]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 416 p. (In Russ.)
5. Morev V.A. *Sibirskiy telegraf vo vtoroy polovine XIX v.* [The Siberian Telegraph in the Second Half of the Nineteenth Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2010, no. 4, pp. 22—30. (In Russ.)
6. Myasnikov V.S. *Dogovornymi stat'yami utverdili. Diplomaticeskaya istoriya russko-kitayskoy granitsy XVII—XX vv.* [Established by Treaty Articles. Diplomatic History of Russian-Chinese Boarder from the Seventeenth until the Twentieth Century]. Moscow, IDV RAN Publ., 1996, 479 p. (In Russ.)
7. Postnikov A.V. *Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVII — nachale XX veka v svyazi s formirovaniem russko-kitayskoy granitsy* [History of the Geographical Study and Mapping of Siberia and the Far East from the Seventeenth Century until the Early Twentieth Century in Connection with the Formation of the Russian-Chinese Border]. Moscow, LENAND Publ., 2015, 388 p. (In Russ.)
8. Romanova G.N. *Ekonomicheskie otnosheniya Rossii i Kitaya na Dal'nem Vostoke. XIX — nachalo XX v.* [Economic Relations between Russia and China in the Far East. The Nineteenth Century — the Early Twentieth Century]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 164 p. (In Russ.)
9. Sladkovskiy M.I. *Istoriya trgovno-ekonomicheskikh otnosheniy narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.)* [History of Trade and Economic Relations between Russia and China (until 1917)]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 440 p. (In Russ.)
10. Khevrolina V.M. *Nikolay Pavlovich Ignat'ev. Rossiyskiy diplomat* [Nikolay Pavlovich Ignatyev. Russian Diplom]. Moscow, Kvadriga Publ., 2009, 392 p. (In Russ.)
11. Khokhlov A.N. *Anglo-franko-kitayskaya voyna i vopros o pomoshchi Rossii Kitayu* [The Anglo-French-Chinese War and the Question of Russian Assistance to China]. *Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitayskikh otnosheniy* [Documents Refute. Against Falsification of the History of Russian-Chinese Relations]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, pp. 284—340. (In Russ.)
12. Khokhlov A.N. *Istoriya s karavanom, otpravlennym iz Kyakhty v Pekin v 1861 g. (K kharakteristike pozitsii tsinskogo pravitel'stva v otnoshenii russko-kitayskoy trgovli posle Pekinskogo dogovora 1860 g.)* [A Story about the Caravan sent from Kyakhta to Beijing in 1861 (To Characterize the Position of the Qing Government on the Russian-Chinese Trade after the Beijing Treaty of 1860)]. *Chetyrnadtsataya nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae". Ch. 2* [The Fourteenth Scientific Conference "Society and State in China". Part 2]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 136—148. (In Russ.)